

СЛАВА СЭ
САНТЕХНИК
твое моё
КОЛЕНО

Ты точно
была на
работе?..

Слава Сэ

Сантехник. Твоё моё колено

«АСТ»

2013

Сэ С.

Сантехник. Твоё моё колено / С. Сэ — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-080368-2

Новая книга популярного блогера Славы Сэ.

ISBN 978-5-17-080368-2

© Сэ С., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Начало	6
Всё не так	8
Попёрло	11
Дом	14
Кое-что о мире моды	16
Катя	19
В камере	20
Холодильник	27
Гуляка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Слава Сэ

Сантехник. Твоё моё колено

© Слава Сэ, 2013

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Начало

Мне сорок два года. Я учусь в четвёртом классе, в первом классе, работаю сантехником и ещё пишу сценарии по ночам. Засыпая, смотрю на будильник. Это самый бесчувственный из моих знакомых негодяев. Он всем циферблатом показывает, что спать осталось три часа. Ни мольбы, ни угрозы не трогают его механическое сердце. В 6:30 он начнёт грохотать и биться. За пять минут до его припадка я просыпаюсь сам, смотрю на него с ненавистью. Деактивирую кнопку его страшного, иерихонского звонка, клянусь себе в воскресенье отоспаться. А сегодня детям в школу. Я кричу за стену:

– Маша, вставай!

Маша говорит, что способна одеться мгновенно. Если её не торопить, то она покажет, как быстро и аккуратно может собраться. Это будет что-то удивительное. А если не завтракать, то можно спать ещё четырнадцать минут, океан времени.

Сил скандалить нет, мы вяло препираемся. Потом Маша приходит сама. Белокурая, лохматая, в руках подушка, одеяло и кот Федосей породы татарская овчарка. Животное притворяетсядохлым в надежде переехать на помойку. Там-то уж можно будет спать сколько влезет. Но Маше одиннадцать, её не проведёшь просто так, свесив лапы. Она укладывается рядом, возится, пытит, задаёт триста вопросов и рассказывает новости.

Ляля не может спать, если за стеной разговаривают. Она тоже приходит, темноволосая, худая, очень сердитая. Ей семь лет. Лялю возмущает семья, которая валяется в родительской постели без неё. Будто она изгой, оторви да брось. Никто даже не позвал. Но Ляля готова всех простить, если её пустят в середину. Девочки лупят друг друга подушками и мучают скотину. Значит, уже не проспим, можно закрыть глаза на секундочку. Собственно, я не собираюсь спать, только дождусь, пока давление в глазных яблоках сравняется с атмосферным. Минутная стрелка сразу прыгает вперёд на половину циферблата. Наш будильник, как вы поняли, просто кладёшь под лопатки. Тут в дом приходит последний персонаж майского утра – паника.

Одеваются дети с ничтожной, почти отрицательной скоростью. Давно надо выехать, но завтрак не съеден, портфели не собраны, косы не заплетены.

И это редкий случай, когда мне лысому завидуют волосатые девочки.

В машине Ляля просит выдать один лат двадцать сантимов в счёт будущих учебных побед. Этого хватит на суп и шоколад. Маша доросла до огромных трат. Ей нужны шницель, какао, театр и злобная репетиторша по немецкому языку. За десять латов в день она уважает меня как отца и как личность. Момент выдачи денег кажется наилучшим, чтобы интересоваться уроками. Ляля снова возмущена. В первом классе вообще не задают. Я уточняю на всякий случай:

– А ты в каком?

Она говорит:

– В первом, разумеется!

Маша бурчит ругательства на немецком языке, которые я не понимаю. Потом выхватывает из ниоткуда лист с синими каракулями. Очень эффектно, как Копперфильд. С её слов, так выглядит домашняя работа по литературе. Мне кажется, я уже видел эту клинопись раньше. Но Маша клянётся, работа свежая. Никто не разбирает её кракозябры, поэтому и спорить невозможно.

Мы едем в школу, город пуст.

– Потому что воскресенье, – вспоминает Маша.

Разворачиваемся, настроение ухудшилось. Вернуться и доспать нельзя, по воскресеньям дети необузданны. Лучше всего поехать в Юрмалу. У нас прекрасный климат. Триста дней в году дождь, в остальном – сплошное солнце. Вероятность хорошей погоды 15 %. В Юрмале простор, море, ионы йода. К тому же можно поручить девочкам прорыть тоннель до Новой Зеландии и получить, таким образом, семнадцать минут для сна в кустах.

Собираем пляжные принадлежности. Корзина для пикников огромна. Это настоящая кибитка с ручками. Дети складывают в неё всё, кроме пустой мебели. Они готовы взять и мебель, но не могут поднять. Хула-хуп тоже не лезет, мы выгружаем хула-хуп. Пользуясь девичьей рассеянностью, я оставляю также зонт, два мяча, свитер, фонарик и шахматы.

Весёлые и нарядные, мы идём в аптеку. Нужен бальзам от солнца. В вопросах загара мы страшные оптимисты. В аптеке бальзама нет, есть шоколад. Чтобы оттирать его со щёк и пальцев, нужны будут влажные салфетки. Их тоже нет, есть туалетная бумага, восемь рулонов. По одному их продавать невозможно, говорит строгая тётя. «Гигиены много не бывает», – думаю я, прижимая рулоны к груди.

В юности я посещал пляж налегке и в дерзких шортах. Там был огромный выбор сырокопчёных женщин. Они медленно вращались, подставляя зрителям свои лучшие стороны. Я выбирал худых и непрактичных, чтобы вместе потом ненавидеть быт. Теперь быт ненавидит меня. На моей кухне коллекция ёршиков, тряпочки для разных видов грязи, три швабры и пылесос с турбиной, великий кошачий ужас. Я умею красными трусами перекрасить простыни в розовый цвет. Я разработал семь способов скормить детям луковый суп как суп без лука. У меня даже уют где-то был. И на пляж я выхожу как грузовой цыганский конь, с кибиткой и упаковкой туалетной бумаги в зубах. Загорающие переживают насчёт моих намерений.

Начинается активный отдых: мы два часа спим в дюнах, завернувшись в простыню. Мы рано встали и не хотим бадминтона. Замёрзнув как следует – уходим. И бумагу уносим непочатой, на радость пляжу. Обедать в такой день нужно непременно шашлыком в армянском ресторане. Мясо без гарнира из любого понедельника сделает субботу. А уж из воскресенья и подавно.

Разводиться было страшно. Казалось, этот быт, эти дети – всё обвалится, накроет и погребёт. Но год прошёл, небо не рухнуло. Я выучил телефон домоуправления и ищу макароны со скидкой. Купил танк с антенной и жужжу им по квартире. И железную дорогу завёл площадью в полторы кухни. И наконец-то съел три эклера подряд, как обещал себе в детстве. Уже в этой жизни я могу спать днём, НЕ ездить в путешествия, смотреть Евроспорт и банки не мыть, а сразу выбрасывать. Могу путать дни недели, покупать ненужные вещи, чистые детские трусы разыгрывать в лотерею. Я приобрёл велотренажёр и отлично похудел, пока тащил его наверх. Теперь это нужное устройство высится в гостиной как статуя личной моей Свободы. И никто не скажет, что деньги потрачены зря. Наоборот, все рады и ссорятся за право крутить педали. Маленькая Ляля сожгла три калории из тех пяти, что в ней были.

Когда в кровати ворочается одна и та же женщина, это хорошо. Не помню чем, но я был доволен. Мне нравилось наблюдать, как лохматая и недовольная с утра жена становится ухоженной и милой уже к вечеру. Или не очень милой. Всякое бывало. Год прошёл, жизнь колосится. И дай нам Боже не скучать о тех, кто нас не любит.

Всё не так

Сначала женщины бросают в шутку:

– Я с тобою разведусь!

Будто пробуют боль на зуб. Потом представляют, как хлопнут дверью и как загомонят подруги. Иногда даже плачут для тренировки. К минуте развода у них уже всё готово: чемодан, временное жильё, мокрые слёзы, идеальный баланс лжи и правды в показаниях. Даже ракетчики не готовятся к войне так тщательно.

Мужчины легкомысленней. Они не помнят, что женаты, пока не возникает этот странный повод – второй раз в ЗАГС. Потом, очень неожиданно, вдруг пустеет шкаф, кастрюли пропали и очередь в ванную отменена. И некого спросить, чем закончилось у Варьки с новым хахалем. Это как проснуться ночью на троллейбусной остановке в каком-нибудь Гомеле. Без сердца, без памяти, без жилья и самооценки, с одним лишь предписанием на алименты. Неудивительно, что женщины любят свадьбы, а у парней от этого слова шерсть на загривке топорщится.

В 2009 году случилась эпидемия разводов. Пострадали десятки отличных, ни в чём не виноватых мужчин. Без повода и предварительных провокаций жёны стали уходить. Раньше для ощущения новизны им хватало перестановки мебели, но в тот год непременно хотелось рвать пуповины. У одного моего знакомого после развода выросли коричневые круги вокруг глаз. Его печень не выносила расставаний. Второй исхудал и даже снимался в рекламе диеты наравне с анорексичками. Третий спрашивал «за что?» так часто, что отучил звонить родную мать. Четвёртый женился на форменной бабе-яге. Ему нравилась особенная верность этой необычной женщины.

В обмен на преданность он мог не замечать ни клюку её, ни ступу.

И только я оказался скалой. Уход жены ничто во мне не изменил. Я даже съездил на рыбалку, настолько было всё равно. Рыбы не поймал, но хорошо поговорил с дождевым червяком.

– Какой во мне смысл? – спрашивал я у *животного*. – Почему не ты, гармоничное творение, насаживаешь меня на крючок?

И круги вокруг моих глаз были не коричневыми, а фиолетовыми, это модный цвет.

Разводились молча. Худшего партнёра быть не может, поняла однажды Люся. Живая вода путешествий, знакомств, отдыха с континентальным завтраком не могла к ней пробиться – таким лежачим камнем оказался я в её судьбе. Подруги находили смысл жизни в бутиках северной Италии, на пляжах Индийского океана и в джунглях Коста-Рики. Их существование имело резон. А Люся напрасно блуждала в темноте брачных отношений. Юность миновала, а она мало что приобрела и нигде почти не отдохнула.

Я бы и рад купить ей счастье. Но её представления о достойном бытии развивались быстрее моих доходов. Всё рухнуло, когда её подруга попала в плен любовного параллелограмма. Или даже параллелепипеда. Её муж завёл подружку. Чтобы любовь и анти-любовь не аннигилировали при случайной встрече, муж купил жене домик в Лигурии. Мужу повезло с профессией, он работал банкиром. Именно в Италии, общественный транспорт в нужной степени нерегулярен и жена нипочём не придет орать глупости о любви и предательстве, считал муж.

– Боже, как унижительно! – заплакала женщина, осмотрев небольшую итальянскую гостиную, спальню, садик и гараж с нескромной «лянчей». Это невыносимо, когда от тебя откупаются видом на залив. Будто настоящую любовь можно измерить деньгами и виллами. Десять лет она считала этого мерзавца своим собственным. Почти уже начала ему доверять. И такая благодарность.

– Он прямо швырнул в меня и дом этот, и машину! Как он мог! – причитала женщина, тряся ключами от счастья.

Между тем муж развернулся всем своим банком в сторону любовницы. Это было невыносимо. Жена заказала обратный билет. Она уже представила, что ему скажет и какое выразительное наденет для такого случая платье. Но вдруг сама познакомилась с приятным итальянцем. Он был молод, кудряв и настоящий пацифист. Самыми важными вещами в жизни он считал солнце, море и тихий вечер в ресторане рядом с немолодой уже, мудрой женщиной. Очень позитивный парень. Под властью его миролюбия жена банкира приняла жизнь такой, какая выпала на долю. Со всеми недостатками, вытекающими из состояния мерзавца-мужа. Живёт теперь в Лигурии, смиренная и непритязательная.

Люся тоже хотела бы смириться и прощать, наблюдая закат из шезлонга над мысом Кап-Ферра. Но я, вместо понимания и помощи, назвал жену банкира шлюхой. Стыдно любить за деньги, сказал я. У меня, например, никогда не было таких женщин.

– Потому что у тебя никогда не было денег! – парировала Люся.

Она неприятно находчива в спорах. Даже странно, добавила она, что с моей зарплатой я до сих пор не живу в коробке из-под телевизора. Я нищеврод.

А Люся сгубила себя, поскольку дура, безразличная к нищете. Когда-нибудь я пойму, какое счастье упустил. Сама же она не ждёт благодарности, и терпение её лопнуло.

– Прощай, козёл! – сказала она и хлопнула дверью.

Нищеврод – это очень обидно. Я зарабатывал, как две воспитательницы детского сада. Или как половина нейрохирурга. На беду, Люся получала как целый нейрохирург. Когда мы только сходились, всё было иначе. Я гонял на «мерседесе», служил маркетологом. Она же читала новости на радио за «спасибо». А иногда и без него. Знала расписание трамваев и сама себе пилила педикюр. Наверное, слишком снисходительная была у меня рожа, когда я, так и быть, на ней женился. Гордыня – страшный грех. Не прошло и года, дельтаплан моего успеха рухнул и застрял в переплетении водопроводных и канализационных труб. Я стал сантехником. Страшный удар для Люси. Сама она нипочём бы не вышла за водопроводчика. Только путём коварных интриг и предательства так вышло.

Когда выяснилось, что я наяву хожу по району в сапогах и с огромным разводным ключом – Люся напилась. От отчаяния и горя. У неё на работе была корпоративная вечеринка. Шеф устроил алкоголический конкурс. Люся приняла вызов и даже почти победила. За секунду до триумфа она сдалась и упала в крепкие директорские руки. Через минуту он и сам рухнул в объятия подхалимов. Все сотрудники в тот вечер струсили. Только Люсе нечего было терять. К тому же она занималась спортом и презирала опасность. На следующий день стала начальником смены. Через месяц – руководителем отдела светских новостей. К минуте нашего развода достигла абсолютной вершины радиобизнеса, сделалась программным директором с правом звонить Хозяину в любое время суток. Также она может обращаться к нему на ты.

Конечно, я ей не пара. Я могу в любое время суток называть на ты кого угодно и стучать ночью кувалдой по трубе. Эти широкие привилегии не очень престижны, к сожалению. И в гороскопе моём сплошные ретроградные Сатурны. Астрология – чушь, но скажите это моим финансовым показателям. Они, показатели, упорно тащат меня к коробке из-под телевизора. У них своё мнение.

В общем, развелись. Люсю теперь видят в провинции и в метрополии в компании богатых рабовладельцев. Она и сама много работает, детей берёт на выходные.

Я же завёл страничку в интернете, полную дурных предчувствий. Пишу про любовь и страдания. И про женские ноги, такие теперь недостижимые. Трижды смотрел сайт продажных женщин, приценивался. Но пойти на контакт не решился. Не знаю, мои знакомые как-то с кем-то знакомятся. И даже занимаются потом настоящим сексом, с раздеванием и прочими милыми штучками. Мне же снятся спящие красавицы. Будто я лежу рядом и боюсь её разбудить. Просто таращусь всю ночь.

В России убогим быть выгодней, чем счастливым. Мои эссе горьки от тестостерона и одиночества. Их читают неспешные женщины, похожие на осенних бабочек. У женщин огромные сердца и своя жилплощадь. Многие пишут нежные письма, жалеют меня, зовут в гости на котлеты и пожить недельку. Я никому не отвечаю. Боюсь встретиться и увидеть разочарование в их глазах.

Покупая молоко и хлеб, я тайком рассмотрел кассиршу. В нашем супермаркете есть одна такая, ничего. В молодости была совсем красивой. А сейчас немножко обвисла, опечалилась, судя по фигуре, любит пиво и, в целом, принадлежит к моему биологическому виду. Самочка нищebroда. Ей бы понравилась жизнь в хрущёвке с выходными в парке. Она не подозревает, что в Барселоне строят Саграда Фамилия и не стремится непременно увидеть это царапающее глаз нагромождение. Возможно даже, она боится путешествовать в такую даль. Мы могли бы вместе гулять по проваленным асфальтам и улучшать сардельки кетчупом. С другой стороны, у меня уже живёт кот Федосей. Приветливый, умный, с ясными глазами, тоже равнодушный к путешествиям. Заводить кассиршу и потом разрываться между двумя равноценными существами – неосмотрительно. Я решил ничего не менять. Встречая мини-юбку, я буду поднимать глаза в небо. Или научусь видеть в женских коленях исключительно динамическое искусство. Динамическое без каламбуров. В том смысле, что, когда они мелькают, становятся втрое прекрасней в сравнении с неподвижными. Вообще, на шевелящуюся женщину смотреть интересней, чем на огонь, воду, работу асфальтоукладчика и смеющихся дельфинов, вместе взятых. Бесконечно можно смотреть. И, раз уж я одинок, мне можно таращиться даже на теннисисток, прыгуней с шестом и танцовщиц свинга.

Попёрло

За год воздержания эротические сны обрели драматизм. Незнакомки пропали. Приходила то сокурсница, то одноклассница, то обвислая кассирша. Они вытворяли такое, чего я никак не ожидал. Наутро, осатанев от либидо, открывал компьютер и рожал новый опус. Мой литературный герой был совсем как я – рохлей, обжорой, неврастеником. Ничего даже сочинять не надо было.

Все мои страсти не выходили за пределы кухни. Но если в кино это значит, что красивый герой раскладывает на столешнице героиню и, так сказать, жарит, то у меня всё то же самое случалось с говядиной и свёклой. Причём они насиловали меня, а не наоборот. За неимением любовных драм, я писал кулинарные. Публиковал их в надежде на помощь просвещённого мира. Но большинство читателей ничего не советовало. Люди просто радовались, что есть кто-то ещё, бестолковей, чем они сами. Блог стал популярен. Семейные журналы публиковали мои опусы в разделе «Как не надо жить».

А потом позвонил мужчина. Назвался Сашей Ивановым, поклонником моего творчества. Он хотел собрать книжицу. Соблазнял гонораром в тысячу долларов. Клоун какой-то, подумал я и повесил трубку. Он перезвонил, сказал:

– Отключилось чего-то!

Я снова нажал отбой. Думал, он поймёт, что я не наивный простака, и отстанет. Александр Иванов оказался настойчивым искушителем. Перезвонил в третий раз, признался в любви. Сказал, что обожает те мои истории, в которых я, что бы ни хотел приготовить, получаю из мяса сапожные подошвы, а из всего остального – гороховый суп. Это ужасно смешно, сказал Иванов. И не только он, многие люди хотели бы купить такие пронзительные исповеди в бумажном виде. Гонорар, кстати, может достичь двух тысяч, сказал он, загадочно понизив тон.

Никогда ещё мужчины не любили меня так назойливо. И две тысячи за ерунду не платили. Даже Люсе в минуты её расцвета, после бани и парикмахерской, не предлагали таких деньжищ. Я представил, как раздам долги и отремонтирую ванную комнату.

Все мои опусы распечатаны на серой бумаге. Мне нравится думать, что Толстой писал на такой же.

Я смотрел на стопку рассказов с некоторой даже гордостью. Раньше. Потому что теперь, под угрозой публикации, все эти буквы и страницы преобразились. Шутки стали глупы, герой нарочито инфантилен и притом страшный мизерабль. Следовало переписать книгу в лучезарном ключе. Но расковыривать старый невроз – то ещё удовольствие. Наступив на горло жадности, я написал решительный отрицательный ответ. Твёрдо и навсегда отверг Иванова. В конце письма выразил надежду на понимание.

Бес Иванов впервые встретил литератора, отвергающего славу и деньги. Вскоре он объявился сам, в Риге, пригласил обедать в дорогом ресторане «Анабель и огурцы». Там у входа выстроены девушки небесной красоты. Раньше я только смотрел, теперь же подошёл к ним на два метра и даже встретился глазами. Самая удивительная пригласила следовать за ней, имея в виду только столик. Проводила и ушла.

Я потом чуть шею не сломал, высматривая, как там она, полуголая, не замёрзла ли.

– Рад видеть, что вас не покинул интерес к жизни, – иронически сказал Александр, отследив мой взгляд. Он заказал оленью строганину с пармским сыром для начала разговора. На горячее утку, фаршированную гречневой кашей и печёнкой. С гречкой понятно, а вот чью печень вставили в утку – меню не сообщало. Александр взялся за меня без всякой артподготовки, не размениваясь на вопросы о здоровье и как оно вообще. Очень незастойливо выло-

жил на стол пачку купюр. Резинка, стянувшая банкноты, была подчёркнуто скромной. Рядом с пачкой положил договор.

– Кровью подписывать? – спросил я.

– Чернилами, – ответил Иванов не смутившись, чем и выдал себя как представителя тёмных сил. Он протянул мне ручку фирмы «Пеликан».

Конечно, я не собирался ничего подписывать. Нужно было всё внимательно обдумать и просчитать. Пожар сомнений, ад метаний, припадки циклотимии терзали меня секунд тридцать. Когда нормы вежливости были соблюдены, я взял ручку и аккуратно подмахнул каждый лист. Моя мятущаяся душа обрела покой и разрешила телу наконец уже вернуться к оленю, утке и ангелоподобной официантке.

Переписывание далось нелегко. Я писал ночами, до фиолетовых звёздочек в глазах, до тремора и аритмии. Перемалывал свои страдания. Обрыдался. Вычистил ошибки, выбросил наречия, страдательные залого, модальные и возвратные глаголы, сложносочинённые предложения, местоимения, витиеватые прилагательные, пронумеровал страницы, придумал название и отправил Иванову. В ответ ни звука. Тишина. Александр, видимо, вступил в бандитское сообщество и залёг на мешки с автоматом Томпсона. Я испробовал все виды связи, кроме голубиной почты – менеджер не отзывался. Трубку в издательстве поднимали незнакомые вежливые дамы. Судя по компетенции, все они только что вернулись с Марса. Они не знали имён, не ведали дат. Имени Севастьяна Свиридова (это я) не знали, о рукописи не слышали. Клялись перезвонить и пропадали навек. В следующий раз к телефону подходили новые, с ещё более чистой памятью женщины. Их в издательстве бесконечный запас. Через знакомых блогеров выяснил ужасное: Иванова уволили за бесперспективность. Его проекты не приносили денег. Сам он, впрочем, оказался богатым дядькой, владельцем гостиниц и пароходов. Книгами занимался из любви к искусству. Но искусство его отвергло. Теперь Иванов живёт в Индонезии, на собственном острове, в собственной гостинице, на всех обижен, ни с кем не разговаривает.

Появился другой издатель, помельче. Предложил пять тысяч. Он был в два с половиной раза добрей издательства «Мост» в лице Иванова. Я бы и рад продаться снова, но расторгнуть прежний контракт оказалось невозможно. Снова звонил в Москву, книгопечатные девы опять ничего не знали, но уже с заметным раздражением. Деньги назад не принимали, договор не отменяли, книгу не издавали. Собаки на сене какие-то, а не предприятие. Мир большой литературы обернулся неприятной капиталистической клоакой. Всё это походило на призыв к смирению, выраженный в такой витиеватой форме. Мечтать о книге – гордыня. Если хочешь благодати, встань на камень, как отче Серафиме, и дружи с медведями.

Однажды страшной ночью одной всемогущей кнопкой «Delete» я уничтожил рукопись, все адреса и следы переписки с издателями. И лёг спать. Утром купил велосипед, кастрюлю-утятницу и «Бхагават Гиту». Все перипетии жизни остались позади. Был апрель, мне исполнилось сорок три, время готовиться к реинкарнации. В следующей жизни я загадал родиться симпатичной девчонкой. Если уж кто бывает счастлив, так это они. Когда Люся призналась мне, что я уже три года как не предмет её эротических фантазий, вот это было разочарование. В сравнении с ней предатель Иванов меня почти не расстроил. Ну переписал я свою жизнь и уничтожил, и что? С точки зрения психотерапии очень полезно.

Пообещав себе мыслить позитивно и писать исключительно светлуху, я стал писать исключительно о любви, синих морях и мурчащих котиках. Блог превратился в оазис идиотской благодати, в фестиваль счастливых финалов.

Так прошёл ещё год. Разрушенная издателями психика почти зажила. И вдруг из забвения и пепла, из пустоты вновь соткался Иванов. Взмахнул хвостом, безо всяких «привет» и

«простите» сообщил, что книжка вышла. Мало того, продаётся отлично. Всё, как он и предсказывал. Успех небывалый, торговцы счастливо повизгивают. Первый тираж распродали за три дня. Второй – за неделю. Сейчас заканчивается третий. Четвёртый будет огромным, а всего уже заказано восемьдесят тысяч! История моего развода обскакала по рейтингам некоторые кулинарные издания. Иванов призывает подписать договор на вторую книгу. В знак любви он повышает роялти на два процента. В издательском деле, кто не знает, это королевский жест.

Тут же прислало письмо второе издательство. Эти советовали не верить Иванову и обещали оклеить купюрами меня самого и всю мою квартиру. Удивительно. Уже в этой жизни я ощутил себя симпатичной девчонкой. За меня боролись богачи. В ограниченных пределах я мог капризничать беспредельно. Люся всю жизнь мечтала выбирать из нескольких миллионов лучшего. Её мечта сбылась. Она долго собиралась, зрела, наконец прилетела, не застала Люсю и накрыла меня. Я вредничал как мог. Всемирная конференция капризных женщин могла бы мной гордиться.

Я не отказал сразу. Я описал свою боль в деталях. Припомнил, как мурыжили, недоплатили, и ещё был момент – они потеряли рукопись! После стольких гадостей какая может быть дружба, сказал я Иванову в приветственном письме. Я представлял, как он позвонит, я разорусь, он притихнет в телефоне, а я скажу, что терпение лопнуло. Совсем как Люся когда-то. И уйду к другому издателю.

Александр не стал звонить. Он прилетел. Что-то почуял, хитрый демон. Пришлось идти в ресторан «Анабель и огурцы» второй раз. Той неземной официантки не было, то есть всё зря. Попрошиться можно было и не рискуя угробить пищеварение жареным мясом. Эссеисты люди не скандальные, для разрыва отношений лицом к лицу им нужно набрать в грудь воздуха.

Пока набирал, Иванов пошёл в атаку. Решительно и дерзко. Он положил на стол новый договор. Я снисходительно улыбнулся. Некоторые менеджеры переоценивают своё обаяние. Рядом с договором Иванов опустил портфельчик. Открыл. Внутри лежали деньги. Толстые пачки. На глаз – моя зарплата лет за десять, на трёх работах, если вкалывать без сна и обеденных перерывов.

Мы много слышали о странном магнетизме мерзавцев. Знакомые женщины жаловались на негодаев. От них-де головокружение и слово «нет» не выговаривается. Что бы негодаи ни спросили, хочется ответить «я пойду за тобой на край и ещё дальше!» Теперь-то я понимаю, о чем речь. Попробуй, откажи такому портфелю.

– Ну, не знаю, – сказал я неискренне.

– Так ты ж дослушай, – оживился Александр и царапнул пол копытом. – Кроме этого (он показал глазами на сумку), мы увеличим роялти. И главное...

Сердце замерло. Впереди таилось неведомое. Чемодан был второстепенной приманкой. За пещерой Алладина ждала тройная пещера Алладина.

– Главное – дом в Юрмале! – сказал менеджер.

Дом

Издательство «Мост» и лично Александр Иванов невозможно любят моё творчество. Для меня арендован особняк в деревне. Свежий воздух, тишина, вид на реку. Селянки пасут коз. Это не расточительность, а трезвый расчёт. Иванов видит опасности, которых не видят молодые литераторы, такие, как я. Заполучив чудо-портфель, я побегу скупать недвижимость. И придёт беда. Я утону в ремонте пятикомнатной какой-нибудь рухляди. Растрочу себя на кафель, краску, паркет, сантехнику, шпатлёвку. Изойду на ненависть к электрикам и стрельбу по прорабам. Через полгода вымотанный, нищий и злой, усядусь писать. Не ради творчества, а от голода. И вместо изящного романа настрою социологическую диссертацию о жизни молдавских штукатуров. Читатели отметят, как усох мой слог, и отвернутся.

И всё. Конеч. А нам важно не замедлять бег строки. Иванов спросил, много ли написано за последний год. Я сделал многозначительное лицо и очертил округлый жест, означающий что угодно.

– Нам нужен роман средней упитанности, восемьдесят тысяч слов. Пятьсот тысяч знаков, примерно, – сказал Иванов.

Я важно кивнул. У меня и половины не было. После редакции текст похудеет вдвое. Писать – это значит сокращать, говорил Чехов. Для литературы сокращения целебны, вот только мне сокращать нечего.

– К сентябрю успеешь? Хотя бы полуготовое, показать редакторам? – спросил Иванов. Я обещал успеть. С новым портфелем жизнь казалась простой и светлой. Деньги страшно разжижают мозг.

Мы уговорились встретиться в сентябре. Дети домучают учебный год, отправятся на лето к бабушке. Кот тоже поедет, одиноко воя в багажнике. У него нет выбора. У нас никто не спорит с бабушкой, все грузятся и пылят навстречу свежим ягодам и помидорам. Бабушка – это вам не добрый Зевс, все её слушаются.

Три месяца я буду жить один. В отдельном доме. Вставать не очень рано, пить какао, писать тысячу слов в день, обедать, гулять. Потом сиеста и снова работа до ночи, редактирование. В таком писательском раю можно вымучить что угодно. Если к тому же телефон отключить, – не только роман, живую материю воссоздать можно из воды и молний. Тем более с видом на реку и коз.

Мой благодетель проглотил кофе, стрельнул жёлтым глазом за окно и выдал записку с телефоном и адресом.

– Дом в закрытом посёлке. Юрмала. Адрес – улица Променадес, пять. Оформлен на Александра Иванова. Менеджера зовут Ирина, скажешь, что от меня. Она выдаст ключи, покажет, расскажет, обнимет, почешет пузик. Всё. Если конура понравится, когда-нибудь сможешь выкупить. Потом. С пятой книги. Там, правда, пастораль. Приличные, скучные соседи...

Вот так, тихо и ласково, работают современные работоторговцы. Полная анестезия, никакого дискомфорта. Наоборот, Александр Иванов казался ангелом с переливчатым нимбом. Хотелось расцеловать его в глаза и щёки, как бассет-хаунда. Не читая, я подписал новый договор и сунул записку с адресом в бумажник.

Моя хрущёвка – сорок семь метров, полторы комнаты. Крыша течёт, стена промерзает, на лестнице ночуют бомжи. Иногда хорошие, а иногда нагадят и сбегут. С другой стороны, предыдущая квартира была ещё хуже. Помесь собачьей конуры и скворечника. Не квартира даже. Комната, она же и кухня, на втором, последнем, этаже деревянного барака. Лестница почти верёвочная. Пятнадцать чёрных, никогда не освещённых ступеней казались северным склоном

Эвереста. Нетрезвому человеку взобраться почти невозможно. Жилыцы соседней квартиры, муж-дурак и жена-графиня, часто ночевали прямо в подъезде, у входа. Во всём доме только эта соседка всегда возвращала латик, одолженный на пузырь. Может, и правда графиня, кто её знает.

Сортира в той квартире не было. Дом строили до революции. Ранние, начала прошлого века, пролетарии не считали за труд сбегать в будку на заднем дворе. Будка тоже была ровесницей революции. Страшная, дряхлая, тонкий настил над пропастью в нехорошую бездну. Доски опасно прогибались и трещали, никаких посиделок там не хотелось. Вбежал – выбежал. Когда и с кем произойдёт беда – никто не знал. Было понятно лишь, что однажды случится. Поздние гости после глассандо по лестнице выходили во двор, а там чёрные кусты, похожие на маньяков, серая тропа и эта будка, дверь в иные миры.

Мне до сих пор снятся сны, в которых я живу большой совой в дупле на дубе и писать бегаю в соседний лес. Я хоть и сова, а летать не умею даже во сне. Возвращаюсь – дуб вырос. И стою под дождём, и не знаю, как взобраться. С другой стороны, в той квартире была дровяная печь, источник ароматной двуокиси углерода, сказочный очаг.

В хрущёвке полный кран горячей воды, санузел – уютная библиотека. Соседи снова алкоголики, но культурный уровень выше. Если отдубасить самого горластого, обретёшь авторитет, будешь указывать, кому под каким кустом валяться можно.

Мне не нравится Юрмальский пафос. Добровольно к этим мажорам я бы не переселился. Но Люся назвала меня нищевродом. И все любимые маргинальные мелочи – вид из окна на пьяниц, сирень, продавленный диван, кот наглый и умный, омлет в щербатой тарелке – всё стало родным и жалким. Юрмала показала бы, кто из нас двоих мужик, Люся или я. На миг стал слышен даже скрип её зубов – признак удушливой зависти.

На следующий же день я уволился из домоуправления. Напрасно ругалась женщина с новой ванной. Тщетно махал кулачищами мужчина с текущим унитазом. Я всем объяснил, что никогда больше не возьмусь за трос с ёршиком. Для верности продал навсегда полный сарай прекрасных инструментов. Вместе с сараем. Пошёл и приобрёл кабинетный стол, такой просторный, что можно сажать некрупные самолёты. Купил лампу, как у Мюллера в фильме про Штирлица. Настенные часы купил, чайник и новое кресло, чтобы кот мог драть вату из него, не сдерживая себя и не экономя. Ещё купил книгу «Как написать гениальный детектив». Последним штрихом стал синий халат, удивительно мягкий. И только потом я вспомнил, что везти это добро мне некуда. Пришлось превратить старую свою квартиру в декорации спектакля про взрыв на мебельном складе.

Кое-что о мире моды

В Российской топографии пять километров списываются как погрешность карты. В Прибалтике это огромное расстояние. Можно нечаянно покинуть свою страну и углубиться в соседнюю. Посёлок приписан к Юрмале ради престижа. На самом деле слева лес, справа болото. До пляжа полчаса с пересадками, до центральной улицы с полуголыми нимфами ещё дальше. Но воздух свежий.

Я не знаю, сколько здесь домов. Очень много.

В середине нулевых россияне скупили под Ригой дачи, получая заодно и вид на жительство. Приморские леса заросли навymi домами, будто срисованными с немецких пасторалей. Вот и тут все строения разной формы, но с одинаковыми синими крышами. Очень нарядно. В центре деревни искусственное озеро, парк с готовыми мангалами и дорожки для бегунов. Газоны, деревья – всё подстрижено, выметено, причёсано и поцеловано. В центре огромный плакат с пиктографической инструкцией: собака какает – совочек – мешочек – счастливые лица. И никаких алкоголиков на травке, въезд охраняют совсем не бутафорские верзилы с дубинками.

Они меня не пускали. Пришлось звонить менеджеру Ирине. Она мгновенно сняла трубку, ответила мужским баритоном. «Я вообще не Ирина», – признался голос. Какой-то заместитель. Ирина уехала, но кольцо всевластья оставила. Заместитель прибежал, молодой, горячий. Всё куда-то звонил и смотрел на часы, очень спешил. Выдал ключ, приказал сделать копию, оригинал сдать охранникам. Он замещает Ирину первый день и многого ещё не знает. Назвал меня Александром, сказал, что их компания рада со мной сотрудничать, дом через три перекрёстка прямо и три налево. Седьмой квартал, литера «Н». Как в слове «новость». Юноша профессионально улыбнулся и сбежал. Ну и ладно. Я нашёл нужный адрес, не без волнения вставил ключ в замок.

Дом не широкий и не длинный, два этажа и в крыше кокетливая башня. Именно из неё видна река. Не сразу, конечно. Нужно высунуться по пояс в бойницу и посмотреть за зюйд-вест. Там, за деревьями, будто бы блестит чего-то. Молодец Иванов, не соврал.

В этой башне я устрою кабинет.

На втором этаже три спальни. После лета вернутся девчонки, у каждой будет своя берлога. Перестанут драться по утрам, и вообще всем нужны закутки. Коту комната не нужна, он живёт везде, а прятаться ходит в шкаф с бельём. Вот и угадайте теперь, кто здесь отличный отец с раздельными апартаментами.

Внизу гараж, бойлерная и баня. В гостиной камин нескромный, стеклянная стена с видом на ель в палисаднике. Занавесочки, салфеточки, цветы на окне, кто-то же их поливает. В холодильнике вино, сыр, свежая зелень. Не думал, что в арендованном жилье бывает так уютно. На секунду закралось даже подозрение – а тот ли это дом. Но адрес в записке совпал и ключ подошёл. Всё-таки дорогое жильё – это вам не хостел в Выдропужске. Молодцы менеджер Ирина и торопливый её помощник.

В стенном шкафу остались чьи-то вещи. Женские. Прежней владелицы, видимо. Пришлось звонить Иванову, спрашивать, чья одежда и как с ней обходиться. Иванов ответил жёстко: всё выбросить на помойку. Никаких сомнений. Хозяйка съехала и точно не вернётся. По договору мы не обязаны хранить чужие тряпки. Странно. Джинсы всякие, юбки, надписи «Dior», «Versace». Всем бы считать такое тряпками. Свиньи всё-таки эти богачи. Некоторые одежды и не поймёшь, на что надевать. То ли шапка с карманами, то ли шорты на три ноги. Бомжи на свалке голову ломают. *Настоящее непонятно что* от кутюр.

Я очистил три шкафа, утрамбовал гардероб в мусорные пакеты, вынес и сложил у контейнера. От избытка чувств ринулся мыть пол, пустил на тряпку джинсы от Ковалли. В таком

чистом, с вымытым полом коттедже запросто заведётся новая женщина. Даже не очень спортивный писатель возле этого камина покажется милым и подтянутым.

Вечером купил дров и вина. Счастливая жизнь началась. Сидел в кресле, смотрел в огонь. Однажды ко мне придут друзья, запоют дурацкие песни и будут завидовать немножко. Впрочем, честно, они позеленеют от зависти. На то и друзья. А однажды заглянет Люся. За деньгами, например. Я крикну в глубину дома:

– Солнышко, принеси кошелек!

Сверху сбежит аккуратная шатенка, похожая на Кейт Бекинсейл. И всё. Непонятно, чего ещё желать. Только счастья для всех даром. Ещё хорошо бы книжку сдать в срок. Я дотянулся до компьютера, набрал первую строку:

«Говорят, красное вино убивает радионуклиды. Страшной показалась прошедшая ночь моим радионуклидам».

В прихожей зашуршало. Кто-то нехороший ковырял замок. Было слышно: открылась входная дверь, хлопнула, закрылась. Повернулась защёлка. Незнакомец вошёл и топчется. В прихожей загорелся свет. Шерсть на моём теле встала дыбом, в глазах поплыли круги, в ушах зашумело, – всё говорило о скорой драке. Возможно даже, предстоит фехтовать какими-нибудь железными предметами. Видимо, бандиты узнали, что дом пуст, и пришли спереть забытые ценности. Зря я выбросил одежду. Мог бы откупиться. Пока они бы перебирали и думали, куда что надевать, я бы сбежал. Странно, что машина моя их не насторожила. У самого подъезда ведь...

Стараясь не выдать себя ни скрипом, ни шорохом, я опустил бокал, перехватил кочергу на манер двуручного меча и тихо двинулся в прихожую. Выглянул в щель между дверью и косяком – женщина стоит. Одна. Некрупная. Лет двадцати семи. Не очень опасная внешне. Спина ко мне, лицом к пустому шкафу. Даже по позвоночнику было видно, как она озадачена. Сняла уже сапоги и джинсы. Красивая такая, стройная, в одних колготках. Удивляется тому, насколько пуст и гулок её шкаф. А ведь ещё утром был полной чашей.

Она явно не верила глазам. Короб поражал её своим внутренним простором. Я тщательно всё из него убрал. Теперь нужно было объясняться. Я сделал шаг вперёд и сказал «здрассте», негромко. Гостя обернулась, подпрыгнула, вскрикнула по-птичьи и прикрыла рот руками. На меня никто ещё не смотрел с таким ужасом. Кажется.

– Не надо кричать... – сказал я и поднял примирительно кочергу.

Она кинулась к двери. Дергала, не справлялась с замком. Я смотрел, не шевелясь. Не хватать же её за колготки. Наконец повернулся ключ, она выскочила вон. Пришлось идти следом, горячо шептать в спину, чтобы не тревожить соседей, уговаривать вернуться. Я говорил, что это ошибка, призывал всё обсудить.

– Послушайте, вы от смеха упадёте, когда я вам всё объясню!

Женщина не прельстилась моим юмором. Она вообще меня не слышала, неслась быстрее звука.

Я вселился не в тот дом. Зря полы мыл. Походил по улице, почесал кочергой спину. Весь её прекрасный гардероб сейчас трясётся в мусорной машине. Контейнер пуст, мешки уехали. Странно, что ключ подошёл. Проверил номер на стене – «КВ-7-Н» написано. Всё точно, как сказал менеджер. Нужно будет вот этой кочергой объяснить ему потом принципы аккуратной работы с клиентами. Женщина, меж тем, скрылась за поворотом. Лучшее, что я мог предпринять – это бежать в противоположную сторону.

Я вернулся, скрутил провода компьютера, сложил сумку и выскочил во двор. И остановился. Мне навстречу, рассыпая синие молнии, выехал воронок.

– Положите кочергу и поднимите руки! – сказал полицейский репродуктор.

Какие-то они в этой деревне мгновенные, дяди в форме гестаповцев. Они были куда сильнее меня. Какая-то в них непропорциональная мощь. Скрутили, положили на капот. Проверили карманы. Натараторили чепухи насчёт моих необъятных прав. Эта дура полоумная в колготках стояла рядом, смотрела безглаголиво. Будто перед ней не перспективный литератор, а рептилия. Заполз в дом и всё обслуживал. Это ещё она не видела того шкафа, который в спальне. Может, и правда лучше заночевать в каталажке.

Когда писали протокол, я представился работником искусств, эссеистом.

– Это мы видим, – сказал полицейский капитан, тряся объяснительной. Мой творческий путь его не интересовал. История о Саше Иванове казалась фабулой утопической новеллы. История доброго богача, разрешившего выбросить чужие вещи и спокойно жить в чужом доме, показалась стражам занятой, но совершенно неправдоподобной. Кому принадлежит здание – я не знаю. С кем Саша заключал договор, где настоящий хозяин, как его фамилия – ничегошеньки-то мне не ведомо и оправдаться нечем.

– Ну, давайте найдём этого вашего доброго человека – сказал капитан и ухмыльнулся. Он думает, я выдумал свою роль и литературного агента. Пришлось рассказывать ненужные подробности, всё, что знаю. Мне нужна достоверность, хотя бы в ощущении. Работает Иванов в издательстве «Мост». Мы несколько раз встречались. Где-где встречались, – в ресторанах. Не в хрущёвку же его приглашать. Да, у меня есть жильё, двушка в заводском районе. Трубку Иванов, разумеется, не поднимал. Загадочная менеджер Ирина в отъезде, юный её заместитель трясётся на дискотеке и телефона не слышит. Договора об аренде нет, имён соседей я не знаю. Почему бы не поверить такому честному рассказу, говорит капитан. Скоро приедет хозяйка, принесёт опись пропавших вещей. Если ущерб превысит пятьсот латов, у господина писателя (он показал на меня) будет много времени для творчества. Лет пять. А то и семь. Потому что кочерга – холодное оружие. Помечтал у камина, называется.

Катя

Прибежала эта лярва. Джинсы не по размеру, будто одолжила. Очень злая. Молнии сыпает не хуже полицейской машины. Накатала заявление, состоящее целиком из фамилий средиземноморских дизайнеров. Впредь, встречаясь с чужими туфлями, буду внимательней. Вдруг это настоящий Маноло Бланик за три тысячи евро.

Её зовут Катя. И горе тому, кто её обидит. Она попросила разрешения войти в клетку, чтобы лично меня загрызть. Не похоже, чтоб это могло её успокоить. Ей же захочется потом меня оживить и ещё раз замучить каким-нибудь новым способом. Я сидел за спасительными прутьями. Молчал, чтобы не провоцировать фурию. Клеть не казалась надёжной. Пока дядя полицейский поднимет зад, чтобы меня спасти, всё будет сделано. Он к тому же косил на тугую Катину попу и совсем не волновался о моей безопасности.

– Я хочу знать, где мои вещи! – звенела Катя.

– Послушайте, – сказал я спокойным, уверенным тоном. – Я всё выплачу. Я богатый писатель. В крайнем случае продам квартиру.

– Рот закрой, гопник! – оборвал меня полицейский. Он хотел ей нравиться. Когда пострадавшая сторона такая ладная, аккуратная, с такими светлыми глазами и тёмными кудряшками, с такой аккуратной головкой и маленькими ушками, кто угодно захочет её опекать. У меня была одна знакомая, жертва мужа-грубияна. Пришла в милицию, показала синяки на бедре и через неделю вышла замуж за майора МВД, очень нежного и заботливого. Да. А у нас тут капитан.

Он рассказал о новых криминальных тенденциях. В Юрмале много пустых домов. Русские богачи покупают, но не живут. Воры повадились сначала гостить пару месяцев, а потом уже выносить вещи. Особенно летом, почему бы не отдохнуть. Наглые типы. Снаружи и не скажешь. Тут полицейский снова посмотрел на меня.

– Кого это вы назвали наглым типом? – спросил я, делая вид что завожусь и могу быть опасен.

– Ха! – ответила Катя.

– Я литератор, мой литературный агент снял для меня этот дом. На полгода. Пока книгу не сдам.

– Литературный агент? – переспросила хозяйка.

– Ну да. Александр Иванов. Издательство «Мост».

Катя сложила губы, будто для поцелуя, посмотрела себе на ноги. Кеды на ней модные, но теперь, кажется, единственные. Она помолчала минуту, сложила губы утиной попкой. Проплзла туда-сюда. Потом повернулась к полицейскому и говорит:

– Мечтаю забрать своё заявление. Передумала. Вот такая я внезапная. Мне даже нравится, когда меня грабят. Вы ведь вернёте мне бумагу? – и улыбнулась очаровательно.

– Это ваш дом? – Вдруг спросил полицейский.

Оказалось, и не её. А чей – она не знает, договора у неё нет. Дом для неё снял, что характерно, некий Александр Иванов.

«Банда!» – подумал офицер. Я не стремился сидеть вместе с этой психической. Катя тоже хотела бы пойти домой, но в отделении прятался целый рой румяных капралов. За каких-то семь минут они её скрутили, затолкали ко мне в клетку. До выяснения обстоятельств. Сказали: завтра в одиннадцать часов придёт следователь, он любит народные сказки.

В камере

Сидели молча. Она вздёрнула носик, скрестила руки-ноги, смотрела в сторону. Надулась. Кудри спутались. Молодец, показала полицейским, что такое борьба за справедливость. Исцарапала всё отделение. Смуглая, тонкая, глазища в полнеба. Мешаная кровь.

В параллельном мире, где я выше, моложе и богаче, обязательно приглашу её пройтись по пляжу тёплого моря. Но не теперь. Такой как сейчас – я даже Люсе не нужен. А Катя круче Люси в триста раз.

И обходится в быту, наверное, во столько же раз дороже. У неё даже кеды от Маноло Бланик, возможно. Хорошо хоть, можно рядом посидеть. Думаю, ей обувь дороже живого человека. Но какая ж симпатичная, зараза!

Старался думать о приятном. Представил, как наору на Иванова. Как он будет мельтешишь и хватать меня за руку. Ещё Кате расскажу про источник наших бед. Тогда совсем хана Саше-карапузику. Катя испепелит взглядом и его самого, и всё его издательство. Ничто так не сближает далёких людей, как групповое избиение литературного агента. Возможно, мы даже подружмся на почве ненависти. Может же богатая красавица дружить с эссеистом.

– Какая нелепая случайность! – скажет Иванов, пытаюсь оправдаться.

– Нелепая случайность – это пищевое отравление в театральном буфете! А ночь в кутузке – это катастрофа! – отвечу я остроумно. Катя оценит мою находчивость. Каким образом она попадёт на место наших переговоров – неважно. Сидящий в тюрьме человек не должен ограничивать фантазию подробностями. Воображение – наша последняя свобода. Я даже благодарен Иванову. Без него не сидеть бы мне с ней на одной лавке. Но как менеджер он – полный идиот. Позвоню в издательство, пусть этого заберут, пришлют другого.

У меня в хрущёвке нет кабинета, башни и никаких отдельных спален. Зато есть двухэтажная кровать. Вечерами мы играем на ней в «отражение авианалёта». Творим что хотим. И никто не врывается, не требует отдать туфли с кофтами. Ещё есть диван в гостиной, огромный. А коту весь мир кровать, он ночует где захочет. Ему везде мягко – думал я, сидя на жёстком топчане. И вообще, если не в простоте счастье, то скажите в чём.

– Это я во всём виновата. У меня судьба такая – источать неприятности. Из-за меня страдают люди. – вдруг заговорила Катя. Она ничем уже не напоминала женского терминатора. Нос опущен, губа дрожит.

Я и подумал о том, как жутко ей в этой бетонной коробке. Воздух спёртый, свет едкий, замок на клетке страшный. Опасаясь местного энтомологического разнообразия, она не решается даже сесть во всю попу. Скорей висит рядом со скамьёй в позе сидящего человека. Редкая девушка признаёт вину, даже будучи виноватой. А эта прям княжна великодушная. Захотелось обнять её, совершить героическое, как-то утешить. Стал отговаривать.

– Думаю, всё ровно наоборот, Катя. Вы невинная жертва и хороший человек. Уж я-то в людях разбираюсь. Всему виной наш менеджер, Александр Иванов. Он проявил себя как настоящая, извините, фекалия!

– Не смейте! Саша прекрасный человек! Меня здесь вообще не должно быть. Я обманула его. Сказала, что уеду. Он мне дом в Калифорнии купил. С видом на океан. Он уверен, я сейчас там.

Этот Иванов и правда щедрый дядя. Катя писатель малоизвестный. Я ничего о ней не слышал. Однако ж он ей отслюнявил виллу с видом на Полинезию, если хорошо всмотреться. К таким работодателям не стоит относиться строго.

– Простите Катя, вы работаете, видимо, под псевдонимом. Осмелюсь предположить, что вы знаменитая Максимилиана Грейс... Мне очень лестно, что у нас один на двоих литературный агент. А я – Севастьян Свиридов, эссеист...

– Я не Максимилиана. А Иванов – мой муж. Бывший.

– Ах... Неожиданный поворот. Понимаю. Бывший муж...

В одно мгновение Золушка превратилась в коварную разведёнку, в смазливую охотницу за миллионами. Люся в сравнении с ней лишь личинка хитрой стервы. Мало Кате дома в Калифорнии, подавайте дачу в Юрмале. Жадные бабы – источник всех земных бед. На втором месте глупые начальники, на третьем – ленивые мужья. Катя вздохнула.

– Это его дом. Я обещала уехать.

– Верно ли я вас понял, Катя? Ваш муж по фамилии Иванов сдал мне жилище вместе с бывшей женой, которая должна была, но не уехала?

– Ну да. Почти так. Он сам арендует дом, но хочет выкупить. Скоро выкупит.

– А почему не уехали? Самолёт вас не дождался? Эти лётчики ужасно нетерпеливы. Подлецы, я считаю...

– Неа...

Она пожала плечами. Точней, одним плечом, лишь чуть приподняла. Как-то очень мило, прям поцеловал бы. Некоторые маленькие жесты помнишь потом всю жизнь.

– Влюбилась.

Она снова переменилась. Только что выглядела сколопендрой, теперь шевельнула плечом и превратилась в тихого ангела. И так чисто прозвучало это «влюбилась», как ни один плохой человек не скажет.

– Знаете, Катя, у нас вагон времени. Следовательно придёт утром, и до одиннадцати нас ничто не разлучит, кажется. Расскажите. Я книжки пишу, мне интересно. Завтра мы расстанемся, послезавтра вы меня забудете. К тому же обещаю считать, что вы мне всё тут врётё. Клянусь не верить ни единому слову.

Она посмотрела, улыбнулась. Я бы служил у неё дворецким и ещё приплачивал за одну улыбку в день. Вот за такую. Катя снова вздохнула и всё-всё рассказала.

Когда-то они были вместе. Иванов человек хороший. Но страдает необычным расстройством психики. Ему кажется, всякая женщина в двадцать пять лет становится старой калашей. Всё, что старше, его бесит. Зато первокурсницы и старшеклассницы действуют как жёлуди на свинку. Себя забывает. Страдает, винится и не может справиться. Катя первая, кстати, из жён продержалась до двадцати семи. Есть теперь чем гордиться.

Иванов очень богат. Квартиры, дома там-сям. После развода ей не хватало воздуха в Москве, она приехала сюда. В Прибалтике осень, атмосферная вода перемешана с земной, серо всё и сыро. Слезы тянутся к дождям, в таком антураже легко плачется. Катя гуляла по Юрмале, истоптала Ригу и однажды, непонятно как, пришла на Каменный мост. Погода была обычной дрянью, пешеходы прятались в кафешках. В центре моста стоял юноша. Богемно тощий, весь какой-то ломкий. Он смотрел вниз, где вместо воды лишь коричневая тьма. На Катю не взглянул. Она тоже была погружена в себя, но обратила внимание, как этот мужчина совсем уж не обернулся ей вслед. Прошла и поняла – это прыгун! Обернулась вовремя. Незнакомец уже закинул ногу на перила. Точно не гимнаст. Так неловко путаться в перилах могут только интеллигентные невrastеники, любимый Катин тип. Она подлетела, схватила человека за куртку, втащила назад, в жизнь. Было видно, он сердит, но не знает, как это выразить. Ему бы хватило сил вырваться, но было очень неловко. Пафос перформанса был разрушен, а без него никак. Одно дело, попрощаться с миром, закрыть глаза, закинуть голову и разжать холодные ладони. Совсем другое, бухнуть комом после нелепой борьбы с чужой истеричкой. Такое событие раз в жизни случается. Никому не хочется уходить с суетой и визгом.

– Да отстаньте вы наконец! – сказал он, сбросив её руки. Помолчал. Катя не уходила. Оба они не знали, что положено делать дальше. После того как один дурак спас другого. Он заговорил с обворожительной мрачной иронией.

– Меня зовут Генрих, и я вас ненавижу. Но, по социальному протоколу, должен предложить кофе. Идёмте.

И взял Катю за руку, и повёл на берег. Денег у него не было, Катя купила кофе и ватрушки.

– Я несколько вам не благодарен, но готов объясниться, – сказал Генрих.

Оказалось, он пропащий, больной человек. Физически здоров, но в голове ужас. Зашёл как-то раз в казино и не вышел. Душа и разум его теперь прикованы к зелёному столу. Бездушное, слепое тело выбирается иногда, чтобы раздобыть денег. И сразу назад. Раньше он был фотографом. Снимал для журналов. Сам Пако Рабан хвалил некоторые его портфолио.

В смысле, которые он снимал. Но теперь всё. Этот идиотизм надо прекратить. И способ выбран. Приятно было познакомиться.

Генрих допил кофе, легко поклонился и пошёл к выходу. Катя упрямо пошла следом. У него были длинные пальцы и вьющиеся волосы, но дело не в них.

И не в том, что женщины любят нервных мерзавцев. Просто добрые дела надо доводить до конца. «Раз уж начала спасать, нельзя сдаваться», – подумала она.

Догнала его, спросила, куда он идёт. Генрих ответил, что домой, спать.

– Обещаю, завтра устроюсь на работу, преобразуюсь внутренне, а внешне – заведу собаку. Прощайте, милая Катя.

Он свернул за угол, Катя шла следом. Она уже бывала замужем и не доверяла мужским врачам.

И точно, Генрих возвращался к реке. Она боялась не успеть, почти догнала его. Он спросил, стоит ли ему бежать или она сама отстанет. Она сказала, ну хорошо. Прыгайте. Кому вы нужны, бегать тут за вами. Но если он смог бы отложить суицид на завтра, она была бы признательна. Если нет, то дело хозяйское. Она обещает не мешать. Просто постоит, посмотрит в сторонке. Зрелище-то редкое. Тут свободная страна, Катя вольна гулять где хочет. А он может прыгать, если уж так распланировал этот день. Но лучше бы, конечно, завтра.

– А сегодня что?

– А сегодня я бы с вами прошлась. Одной скучно. И вы бы меня обманули. Вам же не сложно притвориться, будто всё хорошо. Только так, чтобы я поверила.

Он хмыкнул и взял её под руку. Они ходили, потом приехали в дом со странным адресом «КВ-7-Н», из которого я так отважно выбросил одежду. Разожгли огонь, болтали о пустяках. Перед рассветом она повернулась. Случайно... Глаза их оказались близко. Утром проснулись переплетённые, завернутые в один плед и совершенно довольные жизнью. К полудню туман безмятежности развеялся, в его зрачках снова чернел мост.

– Всегда есть выход! Нельзя сдаваться! – Катя говорила совсем как мама в тот день, когда театральный институт решил обойтись без Кати. Она тогда ревела, а мама очень бестолково подбадривала. Теперь сама Катя была бессильна против этого сумасброда. Генрих, напротив, выглядел спокойным.

– Я проиграл чужие деньги. Я должен это сделать. Ради близких. Никто не должен страдать. До того света всего шаг. Точнее, до той тьмы. Но я рад, что встретил тебя в конце своей бестолковой жизни. Ты будто знак, что там, за гранью, может быть прощение.

И тогда глупая Катя предложила денег. Он отказался шесть раз подряд и потом ещё час порывался уйти и сам собой гордился. И чем дольше отпирался, тем настойчивей Катя занималась спасением. Он смеялся, называл её «мой прекрасный, наивный ангел». И, конечно, Катя победила.

Начались невероятные дни и фантастические ночи. Они забывали есть, путали дни недели. Саша Иванов хороший, но скучный. Его любовь к выпускницам оттуда же, от отсутствия фантазии. А Генрих – это утончённость, чувственность, спонтанность. Катя тонула в нём, кружилась, не помнила себя. Через неделю она продала свою московскую квартиру. Денег хватило на оплату долгов и ещё осталось на трёшку в Риге, на эвфемизм шалаша. Это ли не счастье.

Прагматичный, лишённый фантазии Александр Иванов отсоветовал покупать жильё, разрешил остаться в Юрмальском доме. Он говорил, игрокам веры нет. Генрих обязательно сорвётся. Напомнил, что мужчины способны не изменять женщине с другой женщиной, но никогда не изменят себе. Хоть и обещают прям переродиться, только укажите в какую сторону. Катя была молода и самонадеянна, она верила только себе и Генриху.

А он понимал её с полувздоха. Он снова фотографировал и подписал контракт с каким-то французским журналом. И вроде бы у него в Норвегии бабушка, очень добрая. Зовёт приехать и остаться.

В день передачи денег Катя думала лишь об ужине. Вино выбрала легко – Мозельское, Шпатлезе. Немцы считают его сухим, на самом же деле оно очень лёгкое. А вот обойтись ли бараниной с чесноком или замахнуться на утку в меду и томатах – настоящая дилемма. Ещё подумала, нужно навестить норвежскую бабушку. Если понравится климат, можно и переехать. Генрих будет фотографировать. Катя сможет преподавать йогу местным домохозяйкам. К тому же она рисует декоративные картины, продаёт через знакомых блогеров. Никто не верит, но на это можно жить.

Так вот, Катя приготовила ужин. Генриху не звонила, чтобы не обижать подозрениями. День прошёл, Генрих задерживался. К полуночи у Кати стали дрожать руки. Хотела выпить чаю, выронила чашку. Всё-таки позвонила, – трубку он не снял. В том, что ты круглая дура, трудно признаться. Вызвала такси. Ехала в Ригу, придумывала оправдания. Вдруг ограбили его или в аварию попал. Не могла поверить, что вся эта Юрмала, медовый месяц, красавец на мосту – всё обман. Катя сама себе, своим идеализмом, сплела и верёвку, и петлю.

В три часа ночи в квартале, где всё переливается, блестит и много пьяных голосов, она его нашла. В казино, за столом. Вцепилась в спину – её оттащили. Он обернулся – с чужим, недобрым лицом. Взлохмаченный, смотрел мёртвыми глазами, с трудом узнал. Назвал её дрянью и дурой, оттолкнул. Тут уже она сорвалась. Кинулась в лицо, царапалась, визжала. Охранники вынесли нервных посетителей на улицу. Там Генрих Катю обматерил и сбежал. И всё.

Она позвонила Саше Иванову, но сказать ничего не могла, ревела. Иванов приехал. Тут очень кстати оказалось, что нет у него воображения. Он всегда спокоен как холодильник. Сказал, плевать на деньги, главное, что все здоровы. Этот странный силлогизм успокоил Катю. К тому же если Иванов берётся сопереживать, то делает это с размахом. Двадцать тысяч вёрст и океанский прибой – вот лучший клей для разбитого сердца, сказал он. И пообещал купить домик в Калифорнии. И правда купил.

Отличное средство кстати, прекрасно лечит расстроенные нервы. За неделю Катя сократила рыдания до трёх часов в день. Собрала вещи. Чтобы ничто не напоминало о прошлом, она решила ничего не брать. Три шкафа – такой неудобный объём: оставлять жалко, взять невозможно. К тому же там сплошные ансамбли. К джинсам блузки и сапоги, платье летнее у неё было, с ним сандалии, шляпа...

Следующие пять минут её рассказа я привести не смогу, потому что плохо понял. Так вот, белоснежный боинг собирался унести Катю в своих алюминиевых объятиях. Из мира переменчивых мужчин она улетала к океану, который никогда не обнимет, но и не обманет. Он каждую минуту разный и постоянен в своей переменчивости. Когда до побега осталась ночь, Катя не

выдержала ещё раз, позвонила Генриху. Просто спросить, как дела, и попрощаться. Почти муж всё-таки. Она чувствовала, что выдержит разговор.

В ней всё уже перегорело, даже гордость. И пусть он знает, он для неё – пустое место.

Генрих поднял трубку и заговорил быстро, не давая вставить ни слова. Снова называл её ангелом. Говорил, что сам собирался звонить. Невероятным образом в ту ночь он отыгрался. Он знал, что отыграется, и поклялся завязать, если деньги вернутся. И загаданное сбылось. Конечно, ей всё это безразлично, он понимает. На прощение не надеется, но хотел бы увидеть её в последний раз и вернуть всю сумму. И просто взять её за руку, если можно.

Катя молчала в ответ. То есть, как молчала. Её пробило сразу после слова «привет». Он всё говорил, говорил, потом спросил, почему она не отвечает.

И можно ли приехать. Она сказала «угу».

Он добирался час, она взяла себя в руки. Даже улыбалась. Встретились как чужие, говорили о пустяках. Сидели там же, у камина. Чаепитие не предвещало ничего выдающегося. И вдруг раз – они уже голые. До сих пор не понятно, как это вышло. Он уснул, она редела. А поутру улетела в Америку. Всё было кончено, но из аэропорта она снова позвонила, сказать что добралась и всё отлично. Потом ещё из Калифорнии позвонила, рассказала в двух словах, как устроилась. Потом позвонила предложить остаться друзьями. Ну и просто голос услышать, как он там.

И слушала пять часов. Вскоре выяснилось, что прилететь назад дешевле, чем вот так висеть на телефоне. Взяла и вернулась. Втайне от Саши Иванова. Её бывший до сих пор уверен, что она лечит разбитое сердце Тихим океаном. Он добряк, но лишён фантазии. Он старается её не тревожить, спрашивает в скайпе, как ей тамошний климат. Катя отвечает – замечательно. Для правдоподобности сочинила смешных американских соседей. Саша им уже приветы передает. Признаться, что она снова с Генрихом, – невозможно.

Она вернулась в Юрмалу, в этот самый дом. Иванов говорил, что не собирается сдавать в аренду.хлопот много, выручка не окупит ремонта. Русские курортники – буйные. Что не перебьют, то перемажут. Вот Катя и живёт по секрету. Генрих в Москве, отрабатывает долги. Катиных денег он больше не берёт, хоть она и предлагала. Сама она преподаёт йогу, рисует картины и водит японских туристов. Она знает японский, ничего себе. Добрые небеси кружат бывшего мужа, он весь в делах. А если и приедет, поворчит и успокоится. Он добрый. К тому же Генрих вот-вот рассчитается и тогда – в Норвегию. Или в Америку. В общем, всё хорошо, только вот кое-кто все шмотки выбросил.

Катя вздохнула, посмотрела и улыбнулась. Она больше не сердится. Ей даже смешно, почти. Приехала такая, открыла шкаф, там пусто. И мужчина выходит, трясёт кочергой. Испугалась, конечно. А это просто бывший муж сдал дом собственному издательству. Тут Катя повела рукой в мою сторону, будто показывая невидимым японцам последний, самый странный экспонат музея. Воображаемые туристы смотрели на меня с интересом. Катя опустила руку, экскурсия закончилась.

Конечно, теперь она снимет квартиру. Просто жалко, столько связано... Генрих приезжает на выходные. В общем, вы простите, сказала Катя.

Рыба моего разума бессильно шлёпала хвостом по пляжу. Где-то тут засада, сети и капканы, но мне плевать было на опасности. Заприте сонного эссеиста в клетку с ухоженной кокеткой на целую ночь.

К утру он станет податливым, тёплым дураком.

Я предложил неслыханную наглость – разделить кров. Впереди лето. Дети под присмотром кота уедут к бабушке. Вернутся в сентябре. Сам я тихий, только стучу на компьютере вся-

кую свою ахинею. По ночам, почти беззвучно. А Катя – тихая, интеллигентная девушка. Это я сразу заметил.

– Вы ведь, Катя, не увлекаетесь шумными танцами?

– Ну что вы, Севастьян. Я инструктор по йоге.

У нас всё шёпотом.

Мы улыбались друг другу. Наш мир был полон интеллигентных, культурных людей.

– Господин генерал-майор, у меня к вам заявление! – крикнул я капитану. Он поднял голову. Посмотрел как разбуженный меведь, недовольно.

– Иди сюда, – сказал полисмен и бросил в меня ключ, средневековую железяку размером с молоток. Я увернулся, болванка врезалась в стену.

– Вот безрукый... – сказал он беззлобно.

Открывать клетку сквозь прутья не очень удобно. Катя взялась помогать. У неё смуглые запястья и ловкие детские пальцы. Никакого маникюра. Чего, интересно, не хватало тому дураку, чьей щеки касались эти пальчики? Я без раздумий прыгну в кадушку с холодом, кипятком и молоком, лишь бы поменяться с ним местами. Если сильно повезёт, мы с ней, может быть, подружимся.

У нас будет целое лето. С моим воображением успею развестись и жениться несколько раз. Она даже не узнает. Дочь Маша считает, хорошая дружба может перерасти в симпатию, а потом и в любовь. По крайней мере в кино. Например, друг Гарри Поттера придурок Рон Уизли именно так женился на Гермионе Гренджер.

Замок щёлкнул. Я подошёл к начальнику, перегнулся через стойку.

– Господин маршал, понимаете, такое дело... По правде если – мы любовники. Повздорили. Она меня приревновала. Но теперь всё в порядке. У вас тут замечательный микроклимат. Спасибо вашему дому, мы помирились, теперь хотим домой.

Полицейский сомневался. Было что-то странное в том, что ухоженная Катя ревнует жёваного меня. Пришлось пояснять:

– Я писатель известный. Не здесь, конечно, в России. Если вы согласитесь пройти со мной до банкомата, я с радостью распечатаю необходимые справки и доказательства...

Капитан запыхтел. Его внутренний полицейский уступал натиску человечности. Служебный долг боролся с желанием помочь влюблённым сердцам. Он растолкал помощника, велел перебраться спать за пульт. Катю оставил в заложницах. На случай, если я бегаю быстрее и спиной отклоняю пули. Расплачиваясь, я шепнул ему, что очень, очень рад знакомству.

В четыре утра такси, дребезжащее как свадебный лимузин, доставило нас на улицу Променадес, КВ-7-Н. Лет десять я не испытывал такого трепета, как на заднем сиденье той машины, случайно коснувшись её бедра. Мир был прозрачен и свеж, хоть и тёмн ввиду раннего времени. Мы пожелали друг другу спокойной ночи. Она поднялась к себе. Я примостился на диванчике в гостиной. Предчувствие великих перемен мешало спать.

– Сева, вы всё-таки отдайте вещи. Куда вы их дели? – сказала Катя утром.

– Катя, я не могу.

– Не кокетничайте.

– Я не кокетничаю. Правда, выбросил одежду.

– Не смешно. Отдайте вещи.

– Говорю же, затолкал в мусорные пакеты и вынес на помойку.

Долгая, мучительная пауза.

– Вы идиот?

– Мне ваш Иванов разрешил. Сказал, можно выбросить. Я звонил ему...

Катя не дослушала. Повернулась и пошла вверх, оставляя дымный шлейф. Кажется, наша дружба ни во что не перерастёт. Судя по тому, как хлопнула дверь, перспективы только что сдохли. Странно, вчера мне казалось, она всё поняла. А сегодня решила, что снилось.

Положение дурацкое. Муж Иванов мог бы доказать мою невиновность. Но я обещал не выдавать Катю. К тому же стоит пожаловаться – она уедет в Калифорнию. А это страшно далеко. Вот теперь она спускается, гремит кастрюлями. А я чужой, приблудившийся пёс, не понимаю, из какой миски лакать. Возвращаться в хрущёвку нелепо. Это же мой дом, оплачен из моего гонорара. И я детям уже рассказал с утра, что в сентябре будем жить в настоящем тереме со своей отдельной ёлкой. Тут, если высунуться по пояс, вдали блестит река. И ещё у меня были планы показать Люсе, какой я теперь не нищеврод. Если она увидит дворец и Катю в нём, выйдет даже лучше, чем мечталось. Может, и хорошо, что Катя пустила здесь корни. Просто потерпи, сказал я себе. И стал терпеть.

Холодильник

Холодильник мой. В нём мало места, – объявила Катя. – Ванная и спальня второго этажа тоже мои. Посиделки у камина по очереди.

– Хочу встречно предупредить, что не потерплю домогательств, – сказал я ироническим тоном. Даже глухой заметил бы моё миролюбие. Но Катя не ответила. Повернулась и пошла, звонко цокая, с идеально ровной спиной. Вообще, её словарь невербальных символов огромен. Она может прострелить взглядом. Или посмотреть недоумённо, как бы спрашивая: «Вы идиот?» Или обвести взглядом комнату и не заметить в ней живого человека. Она умеет походкой выстухать слово «негодяй». И в её хлопке дверью больше смысла, чем в некоторых учебниках психологии.

Ну и ладно. Я тоже вредный. Приволоку не новый холодильник, а какой-нибудь старинный гроб. Поставлю в центре кухни. Прекрасная идея. Всего за час я нашёл чудесное объявление на сайте всякой рухляди: «продаётся рефрижератор ЗиЛ. В прекрасном состоянии, немножко ржавый, но морозит как сумасшедший. 10 латов». Слово «сумасшедший» гармонировало с Катей и ситуацией в целом. Если повезёт, ЗиЛ окажется выдающимся в смысле ржавчины и уродства. Увидев его, Катя выбросит белый флаг.

Мне даже привезли его и ничего не взяли за доставку. Неопознанный белый фургон влетел во двор, визжа покрышками. Кто не знает, белые фургоны – отдельная раса механических убийц, дизельные берсерки. В Англии социологи решили переписать всё ужасное, что встречается людям на дорогах. В списке оказались коровы, пьяные литовцы, цыганские дети и девушки на розовых пежо. На третьем месте пьедестала встали все «ауди». Их водители заносчивы, превышают скорость и плюют на разметку. На втором месте гопники на ржавых «БМВ». Они ведут себя, как хамы из «ауди», но ещё и дерутся, чуть что. Самым же опасным уродом оказался «неопознанный белый фургон». Ими управляют взрывчатые социопаты, мизантропы, инопланетяне и прочие извращенцы. Из всех угроз человечеству белые фургоны – самая страшная.

Неопознанный бандит в наушниках вышел из-за руля, сбросил холодильник на асфальт, забрал деньги и скрылся. И помочь внести не предложил. ЗиЛ оказался страшным и ржавым – всё, как я хотел.

И даже лучше. Неизвестный художник покрыл его наклейками. Гагарин, Дин Рид, стая уток на пруду, автомобиль «Паккард» и вульгарные женщины с пьяными глазами. Такая красота наверняка взбесит Катю. Было бы здорово устроить, чтоб он ещё и писался по ночам.

Попробовал приподнять – чуть не сломался. Его родили в стране дешёвых металлов. Производитель не знал, куда израсходовать медь, совал её в холодильники. Тут, наверное, мотор от электрички. Хорошо, знакомый грузчик научил меня перемещать квадратные предметы. Нужно наклонить объект и раскачивать, ставя с угла на угол. Одновременно следует подталкивать коленом туда, где у прибора мог бы быть зад. Если выполнить всё правильно, холодильник будто бы сам идёт. Способ медленный и опасный. Агрегат норовит упасть и если не убить, то хотя бы придавить человека. Упорство, труд и страшные тяжести – вот удел всех, кто замысливает недоброе против Кать.

За десять минут мы доковыляли до дверей. И тут на нашу улицу свернула машина. Миллионеры гнездятся в тихих местах. Всякое «бентли» слышно за версту. Я подумал, нехорошо будет, если о новом соседе пройдёт молва: он-де пережил нападение холодильника-маньяка. Потому что именно так выглядела наша борьба. Я бы и сам начал шутить про восстание машин и киборга, подрастающего внутри несчастной жертвы рефрижератора. Машина приближалась. Если не сбежать, реноме испортится навек. Я схватил железяку поперёк живота и крикнул

тонко «ох ты, сука»! Пробежал пять метров, ногой открыл дверь и ввалился в холл, прямо к Катиным ногам. Она умеет так скрестить руки, что любая неуклюжесть выглядит возней у её ног. Даже если геометрически это не так.

– Что, Севастьян, острая нехватка сюжетов? Решили ограбить свалку? – спросила она, обойдя холодильник по кругу.

– Это, Катя, ЗиЛ. Познакомьтесь. Антикварный, железный, прекрасный. Морозит, говорят, как псих. Выпилен из цельного метеорита, орнаментирован портретами звёзд. Вот Гагарин, например. А это, подозреваю, голландские проститутки. А вот – смешная уточка.

– Какими ещё артефактами вы намерены украсить наш дом?

– Думаю, самовар принести. На дровах. Семиведерный.

– И всё?

Я пожал плечами. Она подошла близко, посмотрела пристально и опустила глаза. И сказала, глядя в пол:

– Сева, последние несколько лет мне не очень удались. И сейчас тоже всё непросто. Вы мужчина, хозяин положения, и в вашей власти сделать мою жизнь хуже. Но я вас прошу, не надо.

Опять посмотрела в глаза, повернулась и ушла.

И мне стало стыдно. Странно получается: что ни делай, она несчастный ангел, а я неуклюжий слон и всё время виноват.

Неделю прожили тихо, «привет-пока». Я привозил детей, показывал дом.

– Катя будет нашей мачехой? – спросила Маша мне в ухо, страшным шёпотом.

– Нет, конечно. У Кати жених в Москве. Очень скоро он закончит дела и они вместе уедут в Калифорнию.

– А скоро, это когда?

– Через месяц.

– Жалко, не успеем подружиться. Она красивая. – сказала Маша.

– Я постараюсь её задержать, – зачем-то соврал я. Или не соврал.

На следующий день девочки отправились к бабушке, на другой конец нашей необъятной страны.

И к обеду уже добрались. Позвонили, сказали, что кот в порядке, сидит под печкой, боится. На три месяца я стал свободным писателем. У бабушки хорошо, можно всё лето ходить в трусах, спать, есть и не толстеть при этом. Но пасторальные прелести манили меня меньше, чем сколопендра, живущая тут, в моём почти доме, в спальне на втором этаже. Пока она здесь, я не хотел терять ни дня.

Гуляка

В пятницу перед крыльцом нарисовался «ниссан» с московскими номерами. Генрих приехал. Машина у него непонятная, с противной рожей. Хипстер. Загородил проезд.

В доме теплей обычного, запах дров и печёных яблок. У камина Катя и Он. Сидят на полу, глаза соловые, щёки красные. Не иначе, целовались. Издалека видно, Катя на том мосту исключительного мерзавца встретила. Генрих встал, представился, пожал руку. Пальцы у него вялые, холодные. Не мужик. И точно не сантехник. Смотрит внимательно. Как же, фотограф. Изломанные позы, театральные жесты, высокий голос, частые вздохи. Ещё длинные волосы и тонкие очки. Мерзкий тип. И паркуется, как баба. Я сослался на усталость и пошёл к себе. И до утра не мог заснуть, слушал шорохи и стуки, воображал прелюбодеяние за стеной, чувствовал себя идиотом. Вот зачем я предложил ей остаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.